

Возвращение Блондера.

27 мая исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Блондера, известного художника-авангардиста. Должны признать, что сегодня его имя не о многом скажет в Украине даже искусствоведу. И это досадно: и потому, что в Европе Саша Блондер в свое время завоевал изрядное признание, и потому, что он родился и провел свои юношеские годы в нашем крае, а именно - в Чорткове, что на Западном Подолье (ныне - Тернопольская область).

Чортков перед Первой мировой войной, как и большинство других городов и городков галицийской провинции, был многонациональным. Больше половины его жителей составляли евреи. Среда еврейского штетла было довольно замкнутой, традиционно определяющим в течение многих лет здесь было влияние хасидизма. Как известно, провинциальный Чортков к тому времени был резиденцией известных на всю Восточную Европу хасидских цадиков. Ситуация начала изменяться в начале XX столетия, если в среде евреев сформировалась прослойка интеллигенции и приверженцев идеологии "Хаскалы" (интеграции в общеевропейский культурный контекст и просвещения). В круге этих людей наиболее престижным стало получение качественного образования.

О детстве и юношеских годах будущего художника известно очень немного. Знаем, что он родился в семье небогатого чортковского торговца в 1909 году. Систематическому его образованию поначалу препятствовала непрерывная полоса войн 1914 - 1920 годов. В 1920 – 1929 годах Шайе Блондер учился в польской гимназии Чорткова.

Нам неизвестно, под чьей опекой Блондер сделал собственные первые шаги в живописи. А возможно, он оказался талантливым самоучкой? Впрочем известно, что увлечение рисованием пришло еще в родном городе, где Блондер был лидером местного художественного кружка. Сохранилось его фото на пленэре - компания барышень и юношей с картонами в руках на миг замершая на фоне гор в долине реки Серет...

В 1930 году родители смогли направить одаренного юношу на обучение в Париж - он должен был бы изучать архитектуру в Национальной высшей школе искусств. Но престижная специальность архитектора очевидно не привлекла юного художника. Вместе с тем отчетливое влияние на его художественные вкусы составило творчество Шагала, Сутина, Модильяни, Боннара и других мэтров художественного авангарда тех лет. В результате карьеру архитектора решено было оставить. В 1932 - 1934 годах Саша Блондер уже учится живописи в краковской Академии искусств под руководством профессоров Теодора Аксентовича, Владислава Яроцкого и Фридерика Павтша. В Кракове же он стал одним из основателей художественных объединений "Живые" и "Краковская группа", участником громких выставок этих союзов. В тридцатые годы Блондер совместно с "Краковской группой" выставляется в Львове и Кракове, организует персональную выставку в варшавском салоне Хенрика Котербы.

Стоит отметить, что в этот период своей жизни Блондер откровенно поддерживал левые политические силы, в частности, принадлежал к молодежному социалистическому союзу «Жизнь». Собственное эти симпатии к "красным" в определенной мере и спровоцировали его исключение из патриотически настроенного «Союза польских артистов-пластиков» («ZZPAP») в 1937 году.

Возможно, в последний раз художник посетил в родном городе своего отца и брата в 1935 году. Здесь им был написан портрет двоюродной сестры Флоренс Либрих, о чем та со временем вспомнила в книге своих мемуаров «Кто-то наблюдает за мной». Окончательно возвращаться в родной Чортков Блондер не стал, ведь к тому времени он уже имел определенное признание и собственную парижскую студию. В 1937 году он окончательно переезжает в Париж. Кажется, это решение и дало ему возможность избежать трагической судьбы 13 тысяч евреев, прошедших в 1942 - 1943 годах через мясорубку чортковского гетто.

В годы нацистской оккупации Франции наш земляк был активным участником движения Сопротивления. Необходимость конспирации вынуждает его сменить фамилию на «Андре Блондель». С этого времени он начал подписывать этим именем и свои художественные работы.

В 1943 году Блондер-Блондель женится на Луизе Бонфилс, молодой преподавательнице физики и химии в лицее города Каркассон. В 1943 -1948 годах молодая семья жила преимущественно на юге Франции: в Каркассоне и Сете.

Творческую деятельность художника в 1949 году прервала его неожиданная смерть в Париже. Здесь он и похоронен.

Большинство ранних работ Блондера скорее всего утрачены в годы войны. Вместе с тем картины польского и французского периодов его творчества не раз выставлялись в Франции, в частности в престижном парижском "Осеннем салоне". Постоянная экспозиция его живописи и графики 30-40-х сохраняется в музее Поля Валерии города Сет, а также - в краковском и вроцлавском национальных музеях.

Хотя на первой и второй родине художника его имя и творчество почти забыты, во Франции к 100-летию его юбилею открыто две ретроспективные выставки: в Сете и Каркассоне. Кажется, по этому поводу кто-то мог бы кто-то повторить вслед за гениальным Василем Стусом: *«Ты возвратился, но край твой не вернется»...*

Просматривая информацию о жизни и творчестве Саши Блондера, которую теперь нетрудно отыскать во всезнающей "мировой паутине", можно составить некоторое представление о его мировоззрении, о темах и образах, которые волновали художника в период его самостоятельного творчества.

Кажется, на всем жизненном пути Блондера-Блонделя постоянно прослеживается его нонконформизм, поиск новизны, старание выйти за рамки обычного: будь то хасидизм, традиционные представления о жизненном успехе, или же идеологии. Очевидная легкость, с которой мальчик из галицийского штетла входил в новую среду, чем далее, тем больше сознавая себя гражданином Европы - то ли в большом городе, то ли в иноязычном мире – в равной степени может свидетельствовать и о его естественных чертах характера, и об органической принадлежности тогдашней Галиции к европейской культурной традиции. Это - несмотря на всю обособленность и провинциальность этого края и мира, ныне утраченного...

И хотя чортковский штетл остался в далеком и невозвратимом прошлом - чортковский штетл многие годы не оставлял души художника.

Конечно же, Блондер не мог разыскать следов своих близких на той "родной чужбине", которая существовала другую сторону железного занавеса. Скорее всего, его отец и брат погибли в годы нацистской оккупации. Впрочем, как выясняется, упомянутая здесь Флоренс Либрих всю жизнь считала и его погибшим во время Холокоста.

На первый взгляд, Блондер в своем творчестве не касался ни идиллии давнего еврейского мира, ни трагедии войны. Вместе с тем – и в слове рук, и в складках лиц, и в тревоге взглядов его современников едва ли не с каждого холста смотрит на нас судьба людей, которые в муках отыскивают возможность как-то жить в этом мире: после Освенцима и Белзы. Живем и мы, нынешние - на этой праведной своей земле, где среди прочего до сих пор молчат: сотни забытых гетто, и тысячи тех заросших чертополохом "окопийск" и ям в наших "черных лесах"...

А на холстах Блондера-Блонделя - снуется плетение улочек Кракова и Закопане, струится трепетный свет Парижа и французского юга... Довольно много портретов современников. Лишь временами среди них появляется воспоминание о родном городе. Но вы не увидите на них ни величественной башни доминиканского костела, венчающей Чортков, ни великолепия синагоги Рабби Фрийдмана, ни живописных подольских ландшафтов... Преимущественно здесь мотивы местных божниц, или тихие дворики и улочки на Старом Чорткове. Аскетизм этих холстов лишь подчеркивает благородную

убогость стен и крыш, на которых покоятся свет и тень. Вот просматривает утомленная майским солнцем ветка сирени, а подальше - седая спина холмов Выгнанки, которые тихо охраняют этот вечный покой, эту параллельную жизнь: воспоминаний и людей...

*Александр Степаненко,
"Гельсинкская инициатива-XXI",
Чортков.*